

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР

Ленинградская организация

Ю. С. УШАКОВ

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО РУССКОГО СЕВЕРА

(народные традиции и современные
проблемы)

777811

Ленинград
1974

Изучая народное зодчество, мы должны отбирать не то, что ушло в прошлое, а то, что принадлежит будущему.

И. Грабарь.

Высшая цель труда архитектора — создание благоприятной и гармонично организованной среды обитания человека. Потому так значителен социальный смысл профессии архитектора: от того, насколько успешно справится он с этой задачей, зависит благополучие и настроение многих тысяч людей. Создаваемая зодчим среда воспитывает, формирует с малых лет вкусы человека. Это каждодневное воздействие осуществляется постоянно и независимо от нашего желания. Отсюда простая и важная истина: жилая среда, лишенная индивидуального, запоминающегося облика, среда, не вызывающая положительных эмоций, не способствует воспитанию эстетических чувств человека.

Среди первоочередных задач, поставленных перед советскими зодчими в Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР к V съезду архитекторов СССР в ноябре 1970 г., — создание индивидуального облика наших городов и селений. Пути решения этой актуальной проблемы разнообразны. Один из таких путей — глубокий и всесторонний анализ многовекового народного опыта. Использование опыта народа — одно из средств проверки правильности современных позиций. Разумно присмотреться к тому, что делал народ при создании селений, совершенствуя и отбирая лучшие и наиболее жизненные традиции на протяжении столь длительного времени. Обращение к этим традициям поможет нам понять, как решались народом вопросы гармонической организации пространства, где и происходили все жизненные процессы, то есть как раз те вопросы, которые актуальны и сегодня.

Для анализа мы привлечем опыт русского деревянного зодчества — искусства, наиболее полно воплотившего эстетические идеалы народа.

РУССКИЙ СЕВЕР — СОКРОВИЩНИЦА НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

В истории русской архитектуры деревянное зодчество занимает исключительно важное место. Древняя Русь была лесным краем. С лесом связана была вся жизнь человека. Лес давал и

доступный, податливый строительный материал, из которого возводились жилища и крепостные стены, храмы и амбары. Строительная культура дерева берет начало еще в языческой Руси — уже тогда начали зарождаться основные приемы и формы, воспринятые и развитые позднее в период христианства.

Но дерево — материал недолговечный. Время и пожары сделали свое дело — до наших дней не дошли многие выдающиеся сооружения, о них мы знаем только из летописей. Центральные районы России почти не сохранили памятников деревянного зодчества, и только некоторые районы Поволжья, Урала, Сибири и в особенности Севера донесли до нас образцы этого высокого искусства.

Для выявления народных традиций мы обратимся к районам русского Северо-Запада,¹ наиболее полно сохранившим памятники деревянного зодчества. Что способствовало этому? Почему именно Север представляет собой сегодня своеобразный заповедник народной культуры? Какие условия обеспечили сохранность народных традиций именно здесь? Мы получили бы в наследие еще меньше, если бы не ряд обстоятельств, давших возможность стать нашему Северу той сокровищницей, из которой мы сегодня черпаем сведения о высоком мастерстве русских дереводелов.

Первым обстоятельством можно считать интенсивное проникновение на Север высокой строительной культуры Новгорода. На протяжении XI—XIV веков энергичные и предприимчивые новгородцы осваивали и колонизировали обширные пространства северных земель. Новгород планомерно использовал богатые хозяйственные ресурсы Севера для расширения торговли как с низовой Русью, так и для увеличения товарообмена с Востоком и Скандинавией. Основными дорогами для проникновения на север служили реки и озера. «Заволочьем» (за волоками) называли новгородцы земли, лежащие вдоль северных рек: Пинеги, Мезени и Печоры. Здесь, на берегах рек и озер, закладывались первые опорные пункты новгородцев. Вслед за промысловыми экспедициями шло трудовое население, осваивавшее и заселявшее новые земли.

Новгородские люди оседали на боярских или собственных землях, устанавливали здесь «нравы свои отческие, законы и обычаи новгородские». Освоение новых земель сопровождалось интенсивным строительством — в основном деревянным — изб и амбаров, крепостных стен и соляных варниц, часовен и храмов. Параллельно с промысловым освоением Севера шла его монастырская колонизация, также принесшая сюда передовые для того времени строительные приемы.

---

¹ В пределы русского Северо-Запада по современному административному делению входят Карельская и Коми АССР и северные области РСФСР: Новгородская, Псковская, Мурманская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская.

С XIII века, в основном с периода татарского нашествия, началось освоение Севера ростовскими и московскими князьями, особенно усилившееся в XV веке, во времена «собрания» Московую «земли русской».

Все это способствовало тому, что на землях, географически удаленных от исторических центров, были созданы значительные памятники деревянного зодчества, как бы перенесшие сюда архитектурно-строительные традиции Новгорода, Ростова и Москвы.

И несмотря на то, что до нашего времени сохранились сооружения, созданные здесь в более поздний период (в XVII—XIX веках), благодаря устойчивости традиций можно судить в какой-то степени об основных архитектурно-строительных принципах древних мастеров.

Сохранению и развитию средневековых русских традиций способствовало и то важное обстоятельство, что до Севера не докатилась лавина татарского нашествия. В то время, когда почти на всем пространстве Руси развитие культуры было насильственно приостановлено, на Севере она продолжала развиваться. Не случайно, что именно здесь сохранились древние обычаи и обряды, старинные песни и былины (старинны), собранные уже в наше время этнографами и фольклористами. До сих пор государственные музеи пополняют свои коллекции новыми образцами древнерусской живописи и народного прикладного искусства. Ежегодные северные экспедиции Пушкинского дома дают новые уникальные экспонаты для собрания рукописных и старопечатных книг XII—XVIII столетий.

И еще одно обстоятельство. Север фактически не знал крепостного права. Север не испытал на себе экономического принуждения и идеологического гнета в такой бесчеловечной форме, как это было свойственно районам с вполне сформировавшимся крепостным правом. Сознание своей независимости и вольности всегда было свойственно северянам, начиная с тех времен, когда их земли входили в состав Обонежской пятины Великого Новгорода. Это позволило Северу удержать свой высокий экономический уровень вплоть до конца XVII века; способствовало развитию широкой народной инициативы. Вот почему здесь, на Севере, долее всего жили и развивались народные промыслы, давшие нам редкую возможность заглянуть в художественный мир Древней Руси.

Нельзя забывать и о периоде церковного раскола, принесшего на Север вместе со старообрядчеством во второй половине XVII века образцы старорусской дореформенной материальной культуры, спасаемые от нововведений патриарха Никона. Здесь, вдали от правительственных и церковных центров, долее всего жила и совершенствовалась шатровая форма храмов, имевшая, по-видимому, наиболее глубокие народные корни. Далекая от узаконенного византийского канона — пятиглавия — она жила здесь во-

прски всему, отвечая одному из основных требований красоты зданий на Руси — высоте.

Именно шатровая форма деревянных храмов была подхвачена каменной архитектурой в XVI веке и дала такие выдающиеся сооружения, как, например, церковь Вознесения в подмосковном селе Коломенском и собор Покрова на рву (Василия Блаженного) в Москве.

XVIII век был началом экономического и политического ослабления Севера. С выходом России к Балтийскому морю торговые пути по северным рекам теряют свое значение. Во второй половине XVIII и весь XIX век Север оказывается в стороне от активных путей сообщения и городских влияний. В таком обособлении Север и дожил до начала XX века, когда был заново открыт исследователями. Он сберег для нас былины, сказания, легенды, крестьянское искусство и высокие образцы зодчества как явление целостное и самобытное. Эти накопленные веками богатства все еще не исчерпаны до конца.

Остановимся вкратце на том, как началось и развивалось изучение деревянного зодчества Севера.

В начале 70-х годов XIX века Петербургская Академия Художеств завела дело «О командировании академика Л. В. Даля в Индию для изучения древних архитектурных памятников, могущих служить археологической переработкою материалов для основания русского архитектурного стиля». Это анекдотическое название свидетельствует о незнании отечественного зодчества руководителями Петербургской Академии Художеств.

Период архитектурного безвременья пришелся на последнюю треть XIX века. Попытки создания нового архитектурного стиля, который должен был заменить ушедший в прошлое классицизм, и привели к подобным парадоксальным изысканиям. Поиски образцов архитектурного стиля для России велись повсюду, кроме своего отечества.

Поездка академика Даля в Индию не состоялась. Понимая всю нелепость подобного подхода к решению проблемы, Даль писал: «Уразумение логического происхождения частей в целом произведении зодчества возможно только при серьезном историческом его изучении. Вот почему нам необходимо историческое исследование наших памятников».¹

Поездки Даля по малоисследованным северорусским губерниям (1870-е годы) с целью изучения памятников зодчества и были началом серьезного изучения отечественного наследия. Программа такого изучения, намеченная Академией Художеств, была продолжена затем целым рядом исследователей, среди которых особенно нужно выделить В. В. Сулова (1857—1921), очень много сделавшего для восстановления истинной роли деревянного

---

¹ Л. В. Даль. Историческое исследование памятников русского зодчества. «Зодчий», 1872 г., № 2.

зодчества в истории русского искусства. «Простота, монументальность, поэтичность и самобытность форм древних построек должны лечь в основу возрождающегося русского зодчества» — вот вывод, который был сделан им после детального обследования памятников.

Это знаменовало собой переход от заимствования внешних деталей к глубокому изучению художественных принципов русской архитектуры. Многолетняя деятельность Сулова, его натурные обмеры, исследования и опубликованные работы во многом способствовали изменению отношения к отечественному наследию. Большая работа по выявлению и обмерам памятников деревянного зодчества была проделана тогда же архитекторами Ф. Ф. Горностаевым и Д. В. Милеевым. Ценность их исследований со временем возросла, так как далеко не все памятники, открытые и обмеренные в те годы, дошли до нашего времени.

Изучение памятников в начале нашего века было продолжено И. Э. Грабарем, задумавшим издание многотомного труда по истории русского искусства. Материалы, собранные к тому времени, позволили ему совместно с Горностаевым написать раздел «Деревянное зодчество русского Севера», вошедший в первый том «Истории русского искусства».

Впервые была дана широкая картина развития деревянной архитектуры Севера, сделан анализ основных типов культового зодчества. По сути дела это было открытие — высокие достоинства русского деревянного зодчества были, наконец, по праву оценены. Грабарь писал, что «на Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства. Формы эти являлись тем неиссякаемым родником, из которого черпали свою новую жизнь застывавшие временами художества на Руси, и значение их все еще недостаточно оценено».¹

Это было написано более 60 лет назад, по актуально и по сей день.

Начало систематизации наследия было положено. В 1916 году вышел еще один труд, посвященный этой теме, — первый том «Курса истории русской архитектуры» («Деревянное зодчество»), написанный архитектором М. В. Красовским.

Отсутствие в то время у исследователей достаточного материала по архитектуре жилых и хозяйственных сооружений Севера не позволило им по-настоящему оценить и широко осветить эту область народного зодчества. Эта работа продолжена была уже в советское время целым рядом исследователей (К. К. Романов, Р. М. Габее, С. Я. Забелло, В. Н. Иванов, П. Н. Максимов, И. В. Маковецкий, А. А. Щеников и др.), создавших классификацию сооружений деревянного зодчества по региональным и типологическим признакам. Труды эти ясно показали, что во все, что

¹ И. Г р а б а р ь. История русского искусства, т. 1, М., 1910.

сооружал народ, он вкладывал талант и мастерство, что и рождало произведения высокого искусства. Среди этих работ следует назвать монографический труд С. Забелло, В. Иванова и П. Максимова «Русское деревянное зодчество», увидевший свет в 1942 году, в разгар Отечественной войны. Богатейший материал, собранный в этой книге, охватил все области деревянного зодчества: жилые, хозяйственные, культовые и оборонительные сооружения.

Большая и интересная работа по изучению народного жилища была проделана в 30-х годах Р. М. Габе. Она нашла отражение в книге «Карельское деревянное зодчество», выпущенной в 1941 году.

В 50-х и 60-х годах для изучения архитектуры русского народного жилища Севера и Поволжья много было сделано И. В. Маковецким. Материалы, собранные им в экспедициях и представленные в монографии «Архитектура русского народного жилища», заставляют проникнуться глубоким уважением к богатству народной фантазии, к непогрешимому художественному чутью и конструктивной изобретательности.

Трудам этих исследователей мы обязаны тем, что можем познаться с обмерами и фотографиями зданий, уже не существующих.

Но изучение народного наследия на этом не могло быть закончено. Пора было от широкого охвата темы, от показа разнообразия решений в русском деревянном зодчестве перейти к более глубокому осмыслению этого явления.

За последние годы были созданы труды, в которых проанализирован сложный процесс взаимовлияния русской и местной архитектурных школ, ускользавший ранее от внимания исследователей. К ним можно отнести книгу В. П. Орфинского «Деревянное зодчество Карелии», где впервые рассмотрены особенности деревянной архитектуры карел.

Назрела необходимость создания теории русского деревянного зодчества. От рассмотрения типологии сооружений, от анализа истории развития отдельных типов необходимо перейти к установлению тех общих закономерностей, которые лежали в основе народного подхода к созданию гармонически организованного пространства.

Опыт последних лет показывает, что это можно сделать только на основе комплексного изучения народного наследия, то есть рассматривая каждое селение как органическое сочетание элементов естественной и искусственной среды.

СЕВЕРОРУССКОЕ СЕЛЕНИЕ. ПРИРОДА И АРХИТЕКТУРА

Что же такое русское селение? Каким жизненно важным условиям должно было оно отвечать? Анализом народных традиций в создании селений, то есть жизненной среды, начали заниматься

лишь в самые последние годы. Целостному, системному анализу народное зодчество пока не подвергалось. До сих пор изучение памятников проходило вне пространственной связи их друг с другом, и, что особенно досадно, вне связи с природной средой.

Длительное время главенствовал взгляд на русское село как на некое стихийное образование, не подчинявшееся никаким логическим или эстетическим закономерностям. Подобный взгляд не способствовал интересу к пространственной организации селений; панорамная съемка селений, за редким исключением, а главное, обмеры их не производились; и в силу недолговечности деревянного наследия мы потеряли много интересных и поучительных примеров именно в той области, которая нас сегодня особенно волнует. Каждое время по-своему оценивает накопленный исторический опыт, в соответствии с задачами своего времени, по-новому переосмысливая и нередко открывая такие стороны народного мастерства, которые еще не познаны и часто по достоинству не оценены. Так случилось и с народным деревянным зодчеством. Накопленный за века опыт далеко еще не воспринят нами полностью.

Обследования последних лет, проведенные в районах русского Северо-Запада, наиболее полно сохранившего народные традиции, убедительно подтверждают ту простую мысль, что если **части целого** (отдельные сооружения) создавались народными зодчими с большим мастерством, то почему **целое** (деревня, село, группа селений), создававшееся коллективным трудом народо-творца, не могло обладать теми же высокими качествами?

Чему же учит народный опыт? Он основывается на глубоком понимании важности эстетических начал в повседневной жизни человека. Это понимание, издавна воспитанное природой, постепенно стало неотъемлемой частью бытия. Эстетическая ценность природы, ее неповторимость отразились на всем, чем окружал себя человек, на всем, что создавали его руки, — от ложки до ткацкого стана, от амбара до храма. Мы привыкли за последнее время расчленять целостную сущность явлений — то есть говорить об утилитарной стороне архитектуры, с одной стороны, и ее художественной форме — с другой. Иными словами — отделять функцию от красоты. Все время делаются попытки утвердить примат практического в ущерб художественному, что неизбежно приводит к архитектуре неполноценной; а это в свою очередь ведет к очень серьезным и не сразу ощутимым потерям, которые дорого обходятся впоследствии. Народ же никогда не разделял эти два начала: функциональное и художественное. Обе эти стороны всегда выступали как равноценные; более того, анализ всего народного творчества говорит о том, что красота была жизненно необходимой и особенно ценимой частью функции. Народный опыт восприятия двух этих начал архитектуры как нерасторжимых необходимо взять на вооружение и теперь. Два эти начала особенно старательно взвешивались при выборе места поселения:

учитывались такие особенности выбираемого места, как удобство сообщений, ориентация по солнцу, защита от господствующих ветров, уровень паводковых вод, и наряду с этим, особое внимание уделялось красоте выбранного места. Природная среда подсказывала очень многое: зрительные границы селения, его планировочный и композиционный приемы, расстояние до основных сооружений, их высоту, обозреваемость селения и его элементов с различных направлений при движении по суше или воде. Главное же — природная среда создавала психологический климат, формировала настроение людей. Она же была великим учителем народных зодчих, не позволяя им нарушать природную гармонию, помогая всегда очень точно находить места для размещения жилых, хозяйственных и общественных сооружений. Иначе говоря, все, что делалось руками человека, воспитанного природой, становилось как бы неотъемлемой ее частью. Такой подход обеспечивал каждому селению **свою неповторимость**. Еще Горностаев замечал, что «каждое село имеет свою физиономию, выраженную в особенностях планировки и деталях». Об этих особенностях творчества народа Грабарь писал: «Строго воспитывалось жизнью и художественное чутье, устремленное главным образом не на декоративную сторону, а на выработку форм и общих пропорций масс. Суровая школа жизни отразилась на искусстве и привела к созданию произведений, прямо поражающих своей классической простотой и захватывающих выразительной правдой. Иные из северных церквей настолько срослись с окружающей их природой, что составляют с ней неразрывное целое. И кажется будто эти произведения — сама природа, так они безыскусственны и неотразимы».¹

Так рождался архитектурно-природный ансамбль. Как немислимы две одинаковых природных ситуации, так при индивидуальном подходе не могут возникнуть два одинаковых селения. Этот принцип для нас сегодня особенно важен. Прежде чем перейти к примерам, несколько слов о планировочных традициях северорусских селений. Как уже говорилось, первыми дорогами при освоении Севера были водные пути, долго служившие затем торговыми артериями. Почти все они пересекали северные земли с юга на север, выводя торговые караваны к Белому морю, из которого можно было добраться и до соседних стран. На этих путях и стали складываться селения. Так появился наиболее древний тип планировки, очень характерный для русского Севера — прибрежно-рядовой. Дома, расположенные «порядками», были обращены фасадами преимущественно к воде (рис. 1). Собственно улицей здесь была река, по которой и перемещались летом на лодках, зимой на санях по ровному заснеженному льду. С ростом селения количество порядков увеличивалось, но все они были обращены в сторону реки. При выборе берега для поселения обяза-

¹ И. Грабарь. История русского искусства, т. 1, М., 1910.

тельно учитывалась и ориентация по солнцу — северяне старались, чтобы дома жилой частью были обращены и к воде, и к солнцу или, как говорят на Севере, — «на лето». Улицы в нашем сегодняшнем понимании появились позднее, с возникновением су-

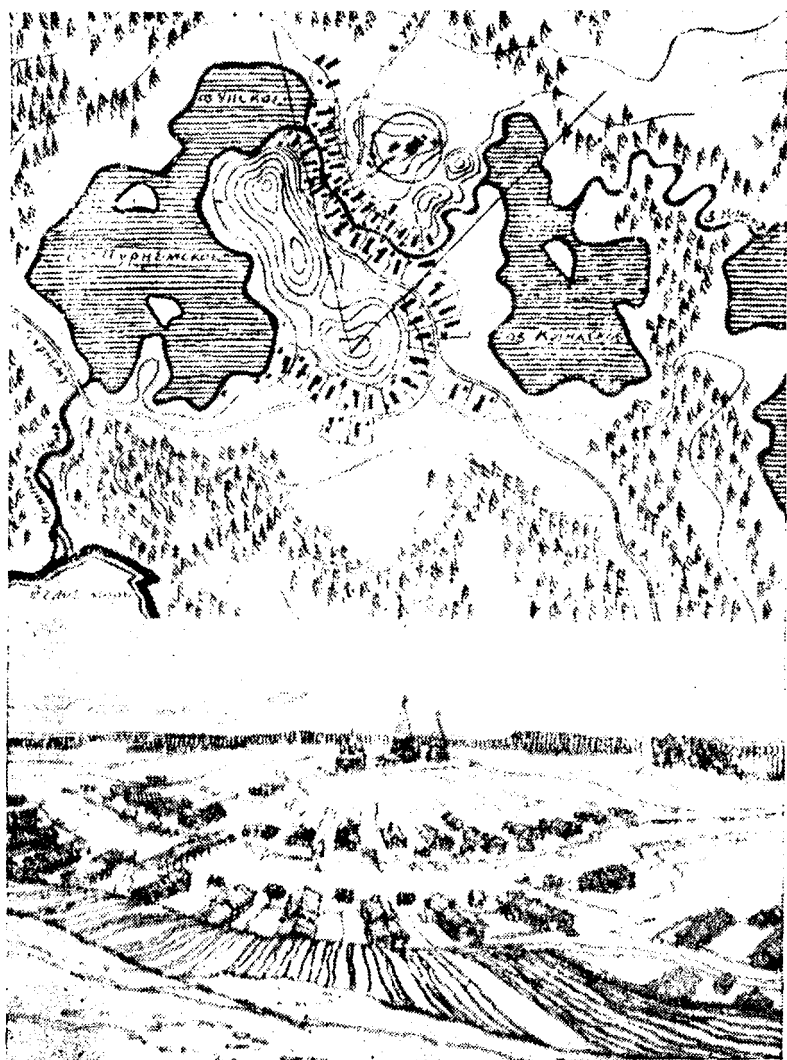

Рис. 1. Схема планировки и панорама села Нижнеозеро на Онежском берегу Белого моря.

хопутных дорог. С этой поры порядки домов по обеим сторонам улицы стали ориентировать уже на дорогу. Уличный тип планировки селений стал появляться лишь с XVIII века.

Во многих селениях Севера можно встретить смешанную планировку — прибрежно-рядовую и уличную. Ее появление имеет две причины: более поздняя часть селения, как уже говорилось, развивалась вдоль сухопутных дорог или выгоревшая часть селения застраивалась уже по-новому. Необходимо отметить еще одну особенность северорусских селений: на русском Севере господствует специфический тип расселения, при котором деревни располагаются **гнездами**. Первоначальной причиной таких образований было, видимо, поселение родовых групп. Ряд исследователей утверждает, что так селились раньше на территории всей восточно-европейской равнины. На юге увеличение плотности населения привело к тому, что гнезда слились в **крупные села**, на Севере же гнездовой тип расселения сохранился до **наших дней**.

Вот почему только здесь на Севере можно понять, как складывались архитектурно-природные композиции таких гнезд селений. Природно-географические условия реки, озера и моря были различны и естественно сказывались на композиции гнезда селений — приречного, приозерного или приморского.

* * *

В нижнем течении реки Онеги (Онежский район Архангельской области), по которой проходил один из первых торговых путей новгородцев, расположилась группа селений Подпорожского погоста (рис. 2). (Погост — административная единица, объединявшая группу селений).

Ширина Онеги в низовьях достигает 500 м. Это обстоятельство не могло не сказаться на решении композиции и вызвало поиски высокого места для размещения центра всей композиции — храмового ансамбля с учетом дальних зрительных связей. Для этой цели был выбран высокий (27 м) мыс, хорошо обозреваемый с основных направлений. На этом природном основании и сформировался ансамбль из двух церквей — Троицкой и Владимирской — единственных тогда общественных зданий на селе — и колокольни. Сооружения, поставленные в плане треугольником, давали различные силуэтные завершения с верхнего и нижнего плесов реки, из деревень левого берега (Гора, Медведицкая, Подтайболье и Грибаниха) и всегда были видны из стоящей на правом берегу деревни Каменихи. Большие расстояния обусловили и немалую высоту одной из церквей — Владимирской (34 м). Порядки жилых домов точно следуют плавному изгибу берегов, так что из каждого дома видна река и центральный ансамбль. Находясь в любой из деревень, в любом месте реки, всегда можно ориентироваться относительно этого центра, организующего все прилегающее пространство. Если сложить высоту берега и Владимирской церкви, мы получим изрядную вертикаль (61 м), хорошо контрастирующую с горизонталями берегов и порядками жилых домов. Композиция здесь найдена так точно, так слитны природ-

Рис. 2. Пример приречного селения. Село Подпорожье (Онежский район Архангельской области).

ные и архитектурные начала, что иное решение здесь трудно найти.

Старинный тракт Пудож — Каргополь недалеко от границы Архангельской области проходит по берегам живописного Колодозера (Пудожский район Карельской АССР). Берега озера, выбранного для заселения еще в период освоения Севера новгородцами, стали местом образования Колодозерского погоста, состоящего из трех деревень (рис. 3). На западном берегу размести-

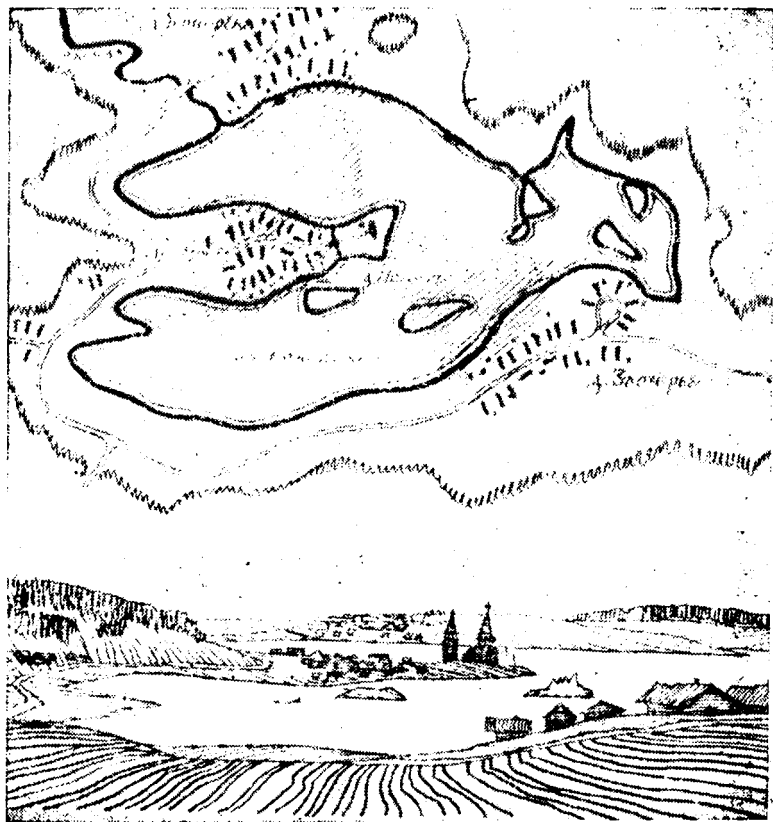

Рис. 3. Пример приозерного селения. Село Колодозеро (Пудожский район КАСР).

лась деревня Усть-река, на восточном — деревня Заозерье. Между ними, на далеко выдающемся в озеро полуострове, центральное селение комплекса — деревня Погост. На возвышенной оконечности полуострова поднялись две вертикали — шатровая церковь и колокольня, — организующие центр всей архитектурно-природной композиции. Таким образом, озеро, у которого сосре-

доточена жизнь трех деревень, представляет собой хорошо просматриваемое единое пространство в пределах от 800 до 1300 м. Ориентация жилых домов береговых деревень на запад и восток обеспечила хороший обзор озера и полуострова. Церковь и колокольня были поставлены не по оси, а по диагонали друг к другу — такой прием часто применялся народными мастерами. Он обеспечивал максимальное количество интересных точек восприятия ансамбля с озера и с его берегов.

Природной ситуацией продиктовано и расположение рубленой ограды только в узкой части полуострова. Умеренная высота шатровой церкви (29 м), стоящей на мысу, поднимающемся на 4 м над водой, хорошо согласована с небольшими размерами озера.

Природа и архитектурные элементы здесь образуют единство, взаимно дополняя друг друга, создавая неповторимый, хорошо запоминающийся облик селения.

Здесь, у Колодозера, так же как и в предыдущем случае, не оставляет мысль о развитом интуитивном чувстве народных мастеров, благодаря которому они каждый раз находили единственно верное решение.¹

Каким условиям должно было отвечать место для селения, выбираемое вблизи моря? Выбору места в суровых условиях Беломорья новгородские люди уделяли особое внимание. Здесь необходимо было удовлетворить значительно бóльшие требования, чем в случае размещения селения на берегу реки или озера. Нужно было укрыть селение от господствующих ветров и одновременно иметь удобный выход в море. Этим условиям отвечали устья рек, где обычно и располагались села. Предметом особых забот поморов было создание системы ориентиров, видимых с моря, для безошибочного нахождения устья реки, на которой размещалось селение. Применительно к природным условиям, к рельефу берегов эта система ориентиров (ими служили шатровые церкви и часовни, а также кресты-створы) заносилась в морские лоции. Таким образом, значение общественных зданий у моря еще более возрастало — они брали на себя очень важную роль дальних ориентиров. Но при этом главной оставалась задача — создание удобного жизненного пространства, с хорошо выверенными зрительными связями, со своим неповторимым обликом.

Одним из примеров такого всесторонне продуманного комплекса может служить группа деревень села Малошуйка, расположенного по берегам реки того же названия, в 5 км от морского побережья (Поморский берег Белого моря). Хорошо сохранившиеся элементы природной и архитектурной среды этого старин-

---

¹ В названных селениях не все архитектурные элементы сохранились до нашего времени. Для восстановления первоначальной картины натурные обмеры дополнялись архивными данными, опросом старожил и материалами фотосъемки исследователей деревянного зодчества конца XIX — начала XX века.

ного села позволяют судить о первоначальных замыслах (рис. 4). Первая задача — укрытие от холодных ветров — была решена при выборе места. Все три деревни села (Низ, Верховье и Заречье) разместились в естественном укрытии, образованном высокими грядами коренного берега реки Малошуйки. Две церкви (одна из них — Никольская шатровая, 1638 г.) и колокольня были поставлены на высоком мысу гряды, так что хорошо просматривались из всех трех деревень и с дорог, ведущих к селу. Ближе

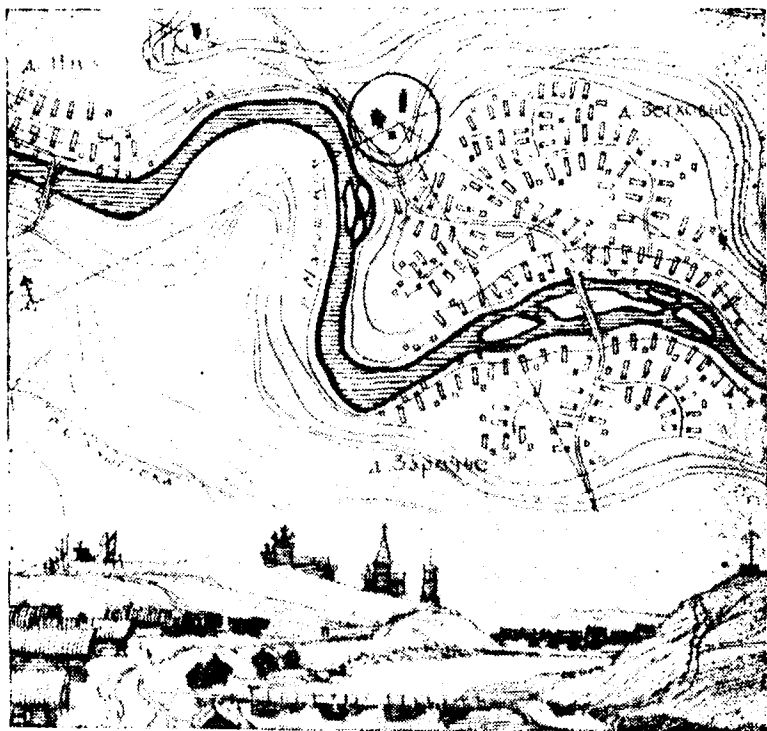

Рис. 4. Пример приморского селения. Село Малошуйка (Поморский берег Белого моря).

к морю, у деревни Низ, на двух противоположных выступах гряды были размещены часовня и высокий крест. Вместе с шатром Никольской церкви они и служили ориентирами для входа в устье реки с моря. Морские суда — ёлы, грузоподъемностью до 900 пудов, поднимались к селу до первого ряжевого моста. Выше по течению, соединенные вторым мостом за высокими грядами, удобно расположились деревни Верховье и Заречье. Когда приходишь к селу Малошуйка, кажется, что весь его гармоничный ансамбль создан по единому замыслу. Это говорит о прочности народных традиций, об устоявшихся художественных взглядах, которые.

передаваясь из поколения в поколение, донесли их до наших дней.

Итак, мы познакомились с тем, как подходил народ к выбору места для будущего селения и как организовывал его в соответствии с природным окружением. Не возникает сомнений в важности этого этапа. Нет сомнений и в том, что именно при таком подходе, когда природа и архитектура воспринимаются как единое целое, можно говорить о художественном образе каждого селения, а именно эти вопросы особенно актуальны для современной архитектурной практики.

КОМПЛЕКС СЕВЕРНОГО СЕЛЕНИЯ. ПРИНЦИПЫ АНСАМБЛЕВОСТИ

Из каких элементов складывался комплекс северорусского селения? Приглядимся повнимательней к тем сооружениям, которые рубились в северном селе, и постараемся понять, какие принципы лежали в основе создания каждого, что помогало многим из них стать высокими образцами зодчества. Грандиозные архитектурно-строительные задачи, которые предстоит нам решить сегодня, заставляют еще раз задуматься над тем, какие качества народной архитектуры дают нам право часто применять к северорусским селениям понятие «ансамбль», понятие, в котором воплощаются высшие достижения архитектурной мысли. Несмотря на то, что селения возникали без заранее составленного кем-либо плана, глубокие традиции, огромный строительный опыт, а главное, высоко развитое чувство природы позволяли крестьянину успешно осуществлять архитектурный замысел, очень точно находить место для каждого сооружения всего комплекса. При решении любых практических вопросов никогда не оставались в стороне и эстетические запросы.

Трезвая практичность всегда согласовывалась у народа с поэтичностью мыслей и чувств, — в этом проявилась одна из основных черт русского национального характера. Уже говорилось о том, что во всех прибрежных селениях избы ставились так, чтобы жилая ее часть «глядела» на воду и максимально была обращена к солнцу (рис. 5). Из окон дома наблюдали за движением судов и сплавом плотов, за подъемом и спадом воды. Северянину важно было видеть зори и закаты, по которым определялись время и погода. Амбары ставились в достаточном удалении от дома, но так, чтобы их было видно всегда. Часто (на Пинеге и Мезени) они выстраивались целыми порядками. В случае пожаров в них сохранялось зерно и запасное имущество. На высоких открытых местах вокруг села ставились ветряные мельницы. Внизу у самой воды сооружались бани и причалы для лодок. В случае непрочности береговых грунтов, оползавших в половодье, изобретательные плотники рубили подпорные стенки, создавая целые набережные вдоль всего села. Такие укрепленные берега были в Юроте, Палуге, Азополье и многих других селах на Мезени. По этим набе-

режным в любое время года можно было посуху пройти из конца в конец села, здесь же ставились амбары, сушились заготовленные на зиму дрова. У северных изб редко увидишь палисадники: всякое дерево у дома загораживает так ценный на Севере сол-

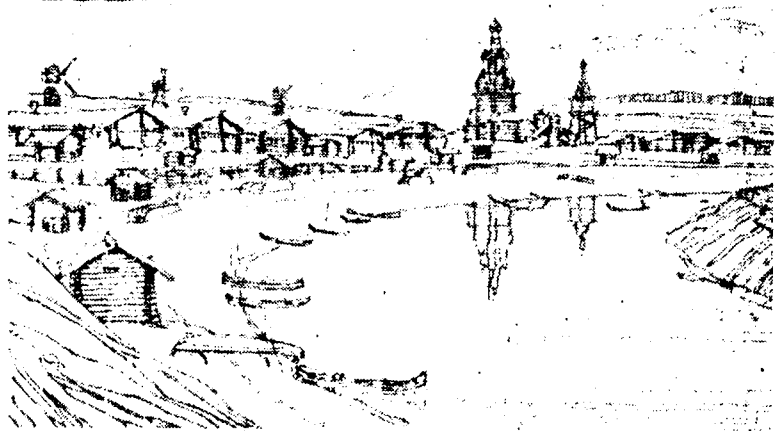

Рис. 5. Комплекс северного селения. Панорама села Кимжи (Мезенский район Архангельской области).

нечный свет, а лес всегда рядом, сразу за полями, отвоеванными у него же (рис. 6).

И, наконец, важнейшие вопросы — выбор места для общественных сооружений (церкви, часовни, колокольни) и их размеры

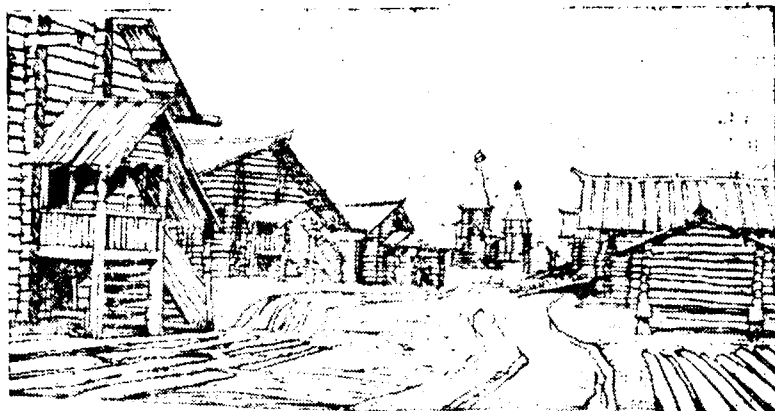

Рис. 6. Село Веконь на реке Выми в Коми АССР. Дома, развернутые к солнцу, и разнообразные крыльца создают интересную перспективу улицы.

обычно решались сообща, «миром», в процессе застройки села. Работы поручались опытной артели плотников, которые начинали заготовку леса и рубку в соответствии с условиями, оговорен-

ными в так называемой порядной. Лес для бревен метили на сухих местах. Здесь росли кондовые, или так называемые рудые сосны — смолистые, прямые и прочные деревья с тонкими годовыми слоями. Заготавливали в феврале, когда дерево спит и «соки в нем малы». Плотницкие работы начинались обычно с приходом весны. Бревна в венцах точно притесывали друг к другу и первый раз сруб собирали без утепления мохом. Избы на Севере высокие — по 20 и 30 венцов, а церкви и колокольни и того выше. Много раз нужно было поднять и опустить каждое бревно. Для облегчения этой работы сруб по высоте плотники разбивали на 2—3 чина по 10 венцов в каждом, а затем сруб сразу собирали на всю высоту. Для точности такой сборки бревна в чинах размечались плотницким счетом: первая цифра — номер чина, вторая — номер венца.

Вплоть до XVIII века основным инструментом плотника был топор. Пилу на Севере, хотя и знали, но применяли редко, несмотря на то, что перерубать бревна поперек — работа трудоемкая. На это была серьезная причина: в перерубленное бревно вода с торца не впитывается — от ударов топора поры дерева закупориваются, а после пилы бревно тянет воду, как губка. Эти свойства древесины хорошо знал и учитывал при работе плотник. В основе любого сооружения северного села лежит главный строительный элемент — бревно, размеры которого чаще всего были в пределах 5—9 м и только в исключительных случаях достигали 12—15 м.

Четыре бревна рубились в венец, из венцов собиралась бревенчатая клеть. Она-то и была основной мерой — модулем всех сооружений. Благодаря этой модульности все северорусское село воспринимается как единое целое. Впечатление органического единства всей застройки усиливалось наличием одного и того же строительного материала, одной и той же техники его обработки, общего модуля и ритма горизонтальных венцов. Однако здесь же может таиться и опасность — однообразие. Ведь, говоря сегодняшним языком, крестьянин имел в своем распоряжении только один стандартный элемент.

Но, хорошо усвоив основное правило — природа не терпит повтора (и действительно, невозможно обнаружить в природе два одинаковых элемента или сочетания), мастера создали стройную и логичную тектоническую систему в дереве, лишенную однообразия. В основе этой системы лежал принцип неповторимости каждого сооружения при повторяемости его элементов. И это удавалось сделать, не взирая на то, что средства для того были весьма ограничены: бревно, брус, тес, позднее резьба. При одинаковой традиционной (в каком-либо районе) схеме планировки жилого дома — огромное разнообразие пропорций и деталей. При канонической плановой схеме культовых сооружений множество различных сочетаний традиционных форм, каждый раз приводившее к своеобразию облика. Дома северорусского се-

ления никогда не производят впечатления однообразия — каждый дом имеет свое лицо. Если это в Карелии, то нельзя не залюбоваться резными ограждениями балконов, тонкий узор которых на фоне рубленых стен особенно хорош. На Северной Двине, Пинеге или Мезени основное внимание сосредоточено на крыльце дома. И каких только вариантов не придумали мастера — нет только двух одинаковых.

Вот два дома, стоящие рядом, казалось бы очень похожи, но приглядимся — у них в чем-то разные пропорции, по-разному срублены крыльца, непохожи узоры оконных наличников, неодинаков выгиб охлупней-шеломов на коньках крыш. Этот же принцип художественной неповторимости присущ и хозяйственным сооружениям: что-то свое есть в каждом амбаре или бане, оригинален силуэт каждой ветряной мельницы. Эта черта свойственна внешнему и внутреннему виду дома. Когдаходишь в него, где бы это ни было — в Каргополье или Заонежье, на Пинеге или в Беломорье, — каждый раз поражает глубокая целесообразность любой детали. Это проявляется то в оригинально сложенной печи, то в своеобразии резного узора лавок, то в росписи подпечья и шкафов.

Архитектура жилого дома, требовавшая постоянного обновления, рождала, по сути дела, все основные приемы деревянного зодчества.

«Здесь формировались и основные конструктивные приемы и важнейшие принципы гармонического построения архитектурных форм. Здесь складывались прочные основы плотничного искусства, позволявшие народным мастерам свободно и смело воплощать свои строительные замыслы», — пишет И. В. Маковецкий.¹

Жилая изба, даже двухэтажная, и хозяйственные постройки (за исключением мельниц) тяготели к горизонтали. С помощью этих сооружений нельзя было ощутимо разнообразить силуэт села. Это естественное стремление можно было осуществить при строительстве общественных зданий. В этих зданиях мечта северянина о высоте как идеале красоты находила свое воплощение. Опираясь на приемы, выработанные в жилом зодчестве, совершенствуя и усложняя их, народные мастера создавали архитектурные произведения, стоящие в одном ряду с лучшими памятниками мирового зодчества.

И здесь мы опять встречаемся с великим народным правилом — творить не повторяясь. При строительстве церквей необходимо было считаться с четко установленными канонами, регламентировавшими определенную последовательность элементов: притвор, церковь, алтарь. Задана была и восточная ориентация алтаря. И, несмотря на эту заданность, вся история культового деревянного зодчества говорит о непрекращающихся поисках в

---

¹ И. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. М., изд. АН СССР, 1962.

создании новых форм и сочетаний из них, поисках, приводивших каждый раз к оригинальным решениям.

Каковы основные этапы этого развития? Более древней формой храма, берущей начало еще в язычестве, считается клетская, или, как называют ее летописи, — «древяна клетски». Это та же четырехстенная клеть, что и в жилом доме, перекрытая двускатной кровлей. Стремление выделить это сооружение из остальных, сделать его главным привели к увеличению высоты сруба и кровли. Высокие клинчатые кровли храмов с врубленными в них главами и давали искомый силуэт.

Такова, например, Георгиевская церковь в Юковичах Подпорожского района Ленинградской области (рис. 7), построенная по предположению в 1493 г., — один из самых древних памятников деревянного зодчества нашего Севера, или Преображенская церковь из села Спас-Вёжи Костромской области (1628 г.), стоящая ныне в музее деревянного зодчества в Костроме на территории Ипатьевского монастыря. Эти постройки показывают, каких высот мастерства достигли зодчие в простейшем типе культовых сооружений.

И все же клетская церковь не стала ведущим архитектурным типом русского деревянного зодчества. Она уступила первенство храму с шатровым завершением, ставшим наиболее популярной формой на протяжении всей истории русской архитектуры. «Шатровые храмы являлись воплощением народных представлений о красоте, они вполне отвечали эстетическим запросам русских людей», — пишет М. Красовский.¹

Много причин способствовало рождению этого образа на русской земле. Здесь и представление о высоте как идеале красоты, и аналогия со сторожевой башней, с ее суровым силуэтом — символом спокойствия и безопасности. Да и северные просторы настоятельно требовали вертикалей-ориентиров (рис. 8). Все это хорошо чувствовал и понимал народный зодчий, все эти качества высоко ценил народ, недаром эта форма как одна из национальных принадлежностей русской архитектуры была воспринята каменным зодчеством и недаром именно шатер претерпел упорное гонение ревнителей византийских канонов. Трудно перечислить даже известные памятники, в основе которых лежит шатровая форма, родившаяся в просторах русского Севера, форма так и названная «древяна вверх». Нет сомнения в том, что идейное, образное, художественное начало преобладало в шатровых храмах над чисто функциональным. Недаром внутренние объемы этих столпообразных сооружений, достигавших высоты 45 м, функционально использовались едва ли на одну треть, так как объем шатра не входил в интерьер церкви, а перекрывался изнутри более низким и пологим шатром — так называемым небом. В этом ска-

¹ М. Красовский. Курс русской архитектуры. М., 1916.

зывалась и забота о соразмерности интерьера человеку, да и трудно было бы обогреть такое пространство.

Но была еще причина, уже чисто практическая, приведшая к появлению многостенных храмов, увенчанных шатром. Клеть —

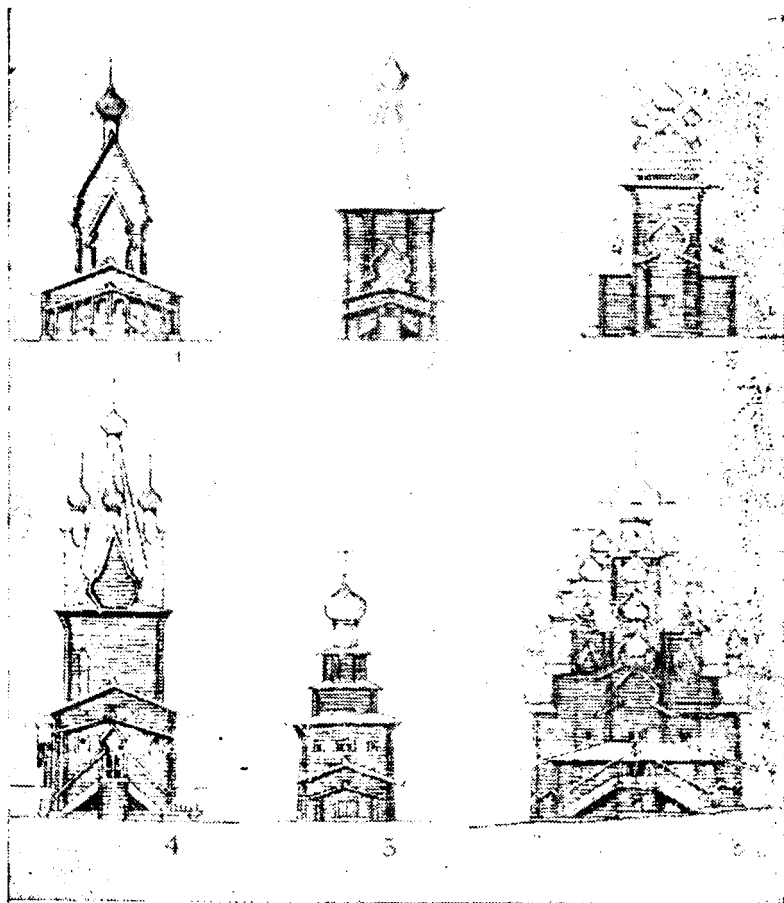

Рис. 7. Основные типы деревянных храмов:

- 1 — Клетский тип («древяна клетски»). Георгиевская церковь в Юковичах 1493 г. (Подпорожский район Ленинградской области).
- 2 — Шатровый тип («древяна вверх»). Никольская церковь в селе Панилове 1600 г. (Архангельская область).
- 3 — Тип храма с кубоватым покрытием. Вознесенская церковь в селе Кушереке 1668 г. (Архангельская область).
- 4 — Тип храма с шатром на крещатой бочке. Михайло-Архангельская церковь в селе Юрома 1685 г. (Архангельская область).
- 5 — Ярусный тип. Ильинская церковь в г. Белозерске 1690 г. (Вологодская область).
- 6 — Многоглавый тип. Преображенская церковь в Кижях 1714 г. (КАССР).

четверик со временем стал тесен, длину же бревна, как известно, нельзя увеличить до бесконечности. Появился шестерик, восьмерик и в единичных случаях десятерик, позволявший значительно

расширить площадь храмов. И как следствие появления многогранной формы храма уже чисто конструктивное логическое завершение — многогранный шатер. Шатровый храм — еще одно яркое свидетельство неразрывности практических и художественных начал в мышлении народа.

Наибольшей популярностью пользовался восьмерик. Примеров шатровых восьмериковых храмов можно привести немало, правда, сохранившихся — и это очень важно — на местах своего создания осталось не так уж много. Из наиболее известных

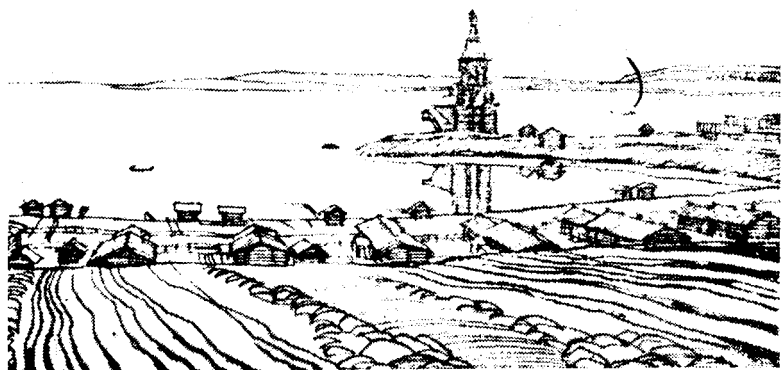

Рис. 8. Панорама села Кондопоги на берегу Онежского озера (КАССР). Успенская церковь (высота — 42 м), поставленная на гранитном мысу, видна из каждого дома села и служит ориентиром на большом озерном пространстве.

нельзя не назвать Никольскую церковь в Лявле (1583 г.), стоящую недалеко от Архангельска, Георгиевскую церковь из села Вершины — 1672 г. (перевезена в музей под Архангельском), Никольскую церковь в селе Панилове — 1600 г. (см. рис. 7) Архангельской области (не сохранилась), Владимирскую церковь в селе Белая Слуда (1642 г.) Архангельской области (не сохранилась). Сохранился до нашего времени, правда, в искаженном виде, десятириковый храм — церковь Воскресенья в селе Важины (1630 г.) в Подпорожском районе Ленинградской области.

В особых случаях храмы рубились многошатровыми — таков, например, Успенский собор в Кемь (КАССР), заложенный в 1711 году в честь победы над шведами, — интересная трехшатровая композиция, объединенная воедино трапезной, где главный высокий шатер возвышается над двумя боковыми. Еще более сложна пятишатровая Троицкая церковь в селе Нёнокса (1727 г.) в Приморском районе Архангельской области.

Шатром венчались не только церкви, но и колокольни — их силуэты были неотъемлемой частью храмового комплекса. Правда, колокольни, рубленные шестериком или восьмериком «до звона», появились позднее, сменив открытые столбчатые конструк-

ции, которые также завершались шатром. Говоря об этом типе сооружений, нельзя не упомянуть колокольню в Цивозере, срубленную в 1658 г. (Красноборский район Архангельской области) и донесшую до нас классический образ подобного сооружения, или могучий столп колокольни из села Кулига Дракованая того же района, перевезенной в заповедник деревянного зодчества под Архангельск.

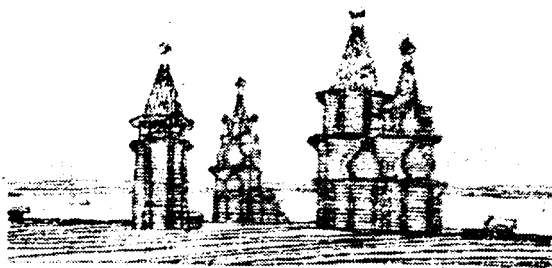
Кроме шатрового завершения, наиболее распространенного на Севере, существовал еще один тип венчания храмов, так называемый кубоватый. Квадратный в плане сруб завершался фигурным рубленным покрытием с главой, а на углах покрытия ставились обычно еще четыре главки.

Эта форма получила наибольшее распространение со второй половины XVII века после известных реформ патриарха Никона, одна из которых требовала обязательного пятиглавия. Более всего храмов, получивших завершение кубом, было возведено в бассейне реки Онеги. Интереснейшие ансамбли кубоватых храмов сохранились до недавнего времени в селах Турчасово и Подпорожье на реке Онеге и в селе Кушерека Архангельской области на берегу Белого моря (см. рис. 7). И все же, несмотря на гонения, шатровая форма продолжала жить. Для того чтобы сохранить эту излюбленную форму и в то же время удовлетворить официальным требованиям пятиглавия, на Пинеге и Мезени получил распространение так называемый «шатер на крещатой бочке». Четыре дополнительных главы, завершавшие каждую бочку, давали требуемое пятиглавие, но общий силуэт высокого и стройного завершения сохранялся. Богатая фантазия и изобретательность народных мастеров и здесь нашли выход из положения, обратив требования церковного канона на увеличение художественной выразительности. Выдающимся ансамблем с подобными завершениями был храмовый комплекс Юромско-Великодворского погоста (рис. 7, 9) в селе Юрома на реке Мезени (не сохранился). Из сохранившихся сооружений такого типа можно назвать церковь Одигитрии в селе Кимжа — 1763 г. (Мезенский район Архангельской области). Разнообразие храмов достигалось также за счет пристройки различных по форме галерей, трапезных и крылец.

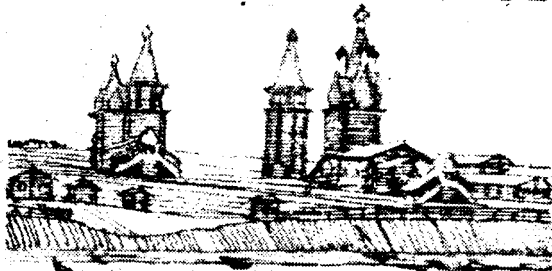
Стремление к большим высотам храмов и к разнообразию силуэтов приводило и к другим решениям — одним из них было так называемое «ярусное» завершение в виде нескольких уменьшающихся срубов, поставленных один на другой. Примером храма с таким завершением может служить Ильинская церковь 1690 г. в г. Белозерске Вологодской области (см. рис. 7), а наиболее известным сооружением такого типа является замечательная церковь Иоанна Предтечи в селе Ширково на озере Вселуг (1697 г.) в верховьях Волги (Великолукская область).

И, наконец, к последнему, завершающему этапу развития культового деревянного зодчества можно отнести **многоглавые**

Вид по А

Вид по Б

Вид по В

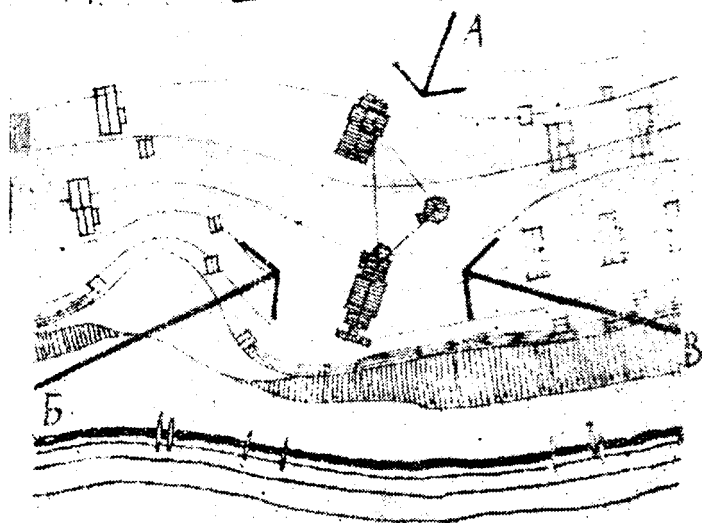
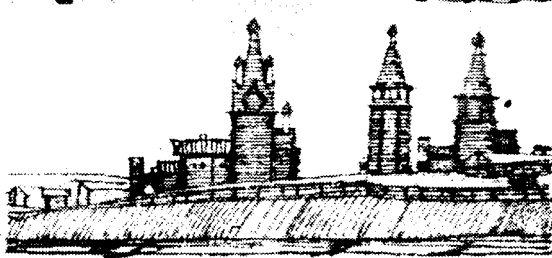

Рис. 9. Принцип размещения храмового ансамбля и его восприятие с основных направлений. Село Юрома на реке Мезени (Архангельская область).

церкви. В основу наиболее сложных и богатых по силуэту многоглавых церквей был положен план так называемого двадцатистенка — традиционного восьмерика с четырьмя прирубями, один из которых служил притвором, другой — алтарем. Такие церкви завершались и шатрами, но для многоглавой церкви мастера ввели поставленные один на другой уменьшающиеся кверху срубы, каждый из которых завершался бочкой с главой. Примером такого храма может служить всемирно известная двадцатидвуглавая Преображенская церковь в Кижях, срубленная в 1714 г. (см. рис. 7). Этот храм — один из высших взлетов архитектурного мастерства народных зодчих. На всех этапах развития культового деревянного зодчества мастера-древodelы оперировали, по сути дела, довольно ограниченным набором форм. Но пользуясь их различными сочетаниями, видоизменяя и усложняя их, они, не повторяясь, добивались исключительного разнообразия в силуэтах, объемах и деталях храмов, блестяще доказав на деле жизнеспособность принципа **неповторимости сооружений при повторяемости форм и деталей.** В этом состоит один из главных уроков народной архитектуры.

До сих пор, рассказывая о культовом зодчестве, мы имели в виду отдельные памятники, но почти всегда основная приходская церковь сопровождалась отдельно стоящей колокольной, а чаще всего культовый комплекс состоял из трех сооружений — двух церквей и колокольни. Длительный зимний период заставлял строить рядом с обширным, так называемым холодным храмом, более компактную отапливаемую зимнюю (теплую) церковь.

Это обстоятельство, вызванное необходимостью, было обращено в народном зодчестве опять-таки на обогащение художественного образа. Говоря о храмовых комплексах северорусских селений, мы часто употребляем слово «ансамбль», и это справедливо: можно только восхищаться тем блестящим мастерством, с каким использовались имевшиеся в руках народных зодчих минимальные возможности.

Какими же средствами это достигалось? Понимая большую важность силуэта храмового комплекса, строители очень внимательно относились к взаиморасположению отдельных сооружений. Опытным и интуитивным путем они нашли приемы размещения, при которых достигалось наиболее интересное и разнообразное восприятие всей группы с различных сторон так, чтобы сооружения как можно меньше закрывали друг друга.

Хорошо учитывалась и непрерывная смена силуэтов при движении, позволявшая разнообразить впечатления. Наибольшие возможности в этом отношении давали именно треугольное или диагональное размещение зданий в плане (см. рис. 9). При этом тонко учитывалось и взаимное уравновешивание масс сооружений при раскрытии их с основных направлений движения по суше или воде. Природное окружение было важнейшим компонентом каждого ансамбля.

При размещении храмового комплекса и его элементов учитывалось и то, в каком месте горизонта садится солнце, то есть выжно было знать, как будут восприниматься церкви от села на фоне закатного неба. Различная природная ситуация подсказывала каждый раз и новые решения. Все эти приемы исключали однообразие. Вот, собственно, в чем секрет обаяния северорусского деревянного зодчества. Сегодня пас, естественно, не устраняет, говоря современным языком, уровень комфорта русского или карельского села, по эстетической стороне этих жилых образований все еще сохраняет свою прелесть и оказывает на современного человека сильное художественное воздействие.

Итак, **неповторимость каждого сооружения и ансамблевость их композиций** — главные традиции народного зодчества. Эти традиции соблюдались неукоснительно, несмотря на явную ограниченность средств выражения, следовательно, они были **жизненно необходимы**. В наш технический век это проверенное многовековым опытом народа правило — **неповторимость зданий при повторяемости элементов** — можно и должно соблюдать с наименьшим успехом.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Широкий интерес к своей истории, к ее памятникам, возросший особенно в последнее время, заставил нас задуматься: все ли сделано для того, чтобы как можно лучше сохранить и показать народное наследие.

Вопрос этот становится особенно острым, когда речь идет о деревянном зодчестве, которое, по справедливому выражению И. В. Маковецкого, является «самой хрупкой частью нашего наследия».

Остановимся кратко на истории организации, основных задачах и методах охраны памятников деревянной архитектуры у нас в стране. Одна из основных проблем, над решением которой работает ряд лабораторий — продление срока жизни деревянных сооружений с помощью пропитки древесины химическими препаратами. Успешное решение этой задачи даст возможность еще многим поколениям любоваться шедеврами русского деревянного зодчества. В 50-х годах началась реставрация одного из таких памятников — ансамбля на острове Кижи и в это же время было принято решение об организации первого в Российской Федерации музея деревянного зодчества под открытым небом. Началась перевозка памятников из различных районов Карелии на Кижский остров. Работы, проводимые в Кижях, опирались, в основном, на зарубежный опыт, в частности, скандинавских стран, где еще в конце прошлого века были созданы этнографические музеи под открытым небом, не преследовавшие показа памятников в их комплексах в исторически сложившихся условиях. К се-

редине 1960-х годов в Кижях было сосредоточено немалое количество культовых, жилых и хозяйственных сооружений. По примеру Кижей начали создаваться музеи под Костромой, Суздалем, Вологодой, позднее под Новгородом, Горьким, Архангельском и Пермью. Таким образом, основным методом сохранения памятников деревянного зодчества стала организация музеев под открытым небом, предусматривавшая перевозку сооружений с мест их создания. Этот метод обладал рядом достоинств: сосредоточивал памятники в более доступных местах, обеспечивал их постоянную охрану.

Необходимость срочного вывоза ряда памятников заставляла помещать их на территории уже сложившихся архитектурных комплексов вне всякой связи с ними и, что самое главное, со своим прежним природным окружением. А именно слияние с ландшафтом и делает нашу народную архитектуру такой поэтичной и выразительной.

В чем же крылась ошибка избранной методики организации музеев под открытым небом? Основная ошибка состояла в смешении понятий **этнографический музей**, который может быть создан в искусственных условиях, и **архитектурный музей-заповедник**, в основе которого должно лежать исторически сложившееся селение. Изучение памятников деревянного зодчества только по типологическим признакам привело к тому, что при разработке способов их охраны вопросы комплексной, ансамблевой организации селений не оказались в центре внимания создаваемых музеев. Нарушение принципа единства природы и архитектуры приводит к потере **основной цели** создания музея-заповедника, ибо в конечном счете всякая реставрация есть **реставрация впечатлений**, иначе говоря, **восстановление художественного воздействия исторически сложившегося комплекса памятников на зрителя**.

Организация у нас музеев-заповедников должна пойти своим путем, включив в себя более разнообразные приемы охраны, с тем чтобы сохранить для потомства все богатство выработанных народом традиций.

К таким выводам и пришли участники Всероссийского научно-методического совещания о принципах создания архитектурно-этнографических музеев под открытым небом, состоявшегося в Архангельске в конце 1972 года.

Совещание призвало к резкому сокращению перевоза памятников, признав музеи под открытым небом далеко не единственной формой охраны памятников народной архитектуры, и пришло к выводу о закономерности «перехода к качественно новой форме охраны памятников по сравнению с искусственно создаваемыми музеями — организации естественных архитектурно-этнографических и природных заповедников, охране значительных комплексов, целых селений или групп селений на местах их возникновения в сложившемся природном окружении».

Кроме этой основной задачи, при создании региональных му-

двев-заповедников из поля зрения не должны выпадать и вопросы организации туризма (транспортные связи, турбазы, обслуживание), а также дальнейшее использование памятников, в основном для организации экспозиций народного творчества, что помогло бы разгрузить запасники областных музеев. Нельзя забывать и о том, что включение новых районов в орбиту туризма позволило бы более равномерно распределить туристские потоки.

Исходя из сказанного, можно наметить два основных типа архитектурно-этнографического музея-заповедника под открытым небом. **Первый тип** — музей-заповедник, создаваемый на основе исторически сложившегося селения с перевозкой отдельных построек из других селений (избы, амбары, бани, ограды, мельницы, часовни, мосты и т. д.). В ряде зданий могут быть воссозданы интерьеры с естественной экспозицией предметов быта и народно-прикладного искусства. Такие селения, которые могли бы стать основой для музея-заповедника, есть пока еще в каждом районе Севера. Это, к примеру, село Турчасово на реке Онеге, село Сура на Пинеге, село Кимжа на Мезени, деревня Чурковская на реке Ваге, село Никола-Погост в Горьковской области, село Ошевенское в Каргополье и другие. В этом случае мы переводим под охрану наиболее типичные памятники из удаленных мест, помещая их в естественные условия, даем возможность знакомиться с исторически сложившимся селением, стоящим в своей природной среде, и, что тоже немаловажно, даем селению вторую жизнь, привлекая часть его населения в сферу обслуживания музея-заповедника.

Такой заповедник предполагается создать в центре Каргополья, в селе Ошевенском, в 40 км от Каргополя.

Второй тип — комплексный музей-заповедник, состоящий из двух основных элементов:

а. **Архитектурно-этнографический музей**, создаваемый в новом, хорошо доступном месте. В нем представлены все региональные типы селений области (края). Сюда перевозятся памятники из отдаленных районов, расположенных в стороне от туристских маршрутов. Частично, в необходимых случаях сооружаются макеты уникальных памятников в натуральную величину. Этот метод также признан рациональным.

б. **Заповедная зона**, составляющая вторую, не менее важную часть музея-заповедника. Уникальные памятники деревянного зодчества реставрируются на своих исторических местах и к ним прокладываются маршруты из основного туристского центра области. Две эти части представляют собой единое целое и могут дать достаточно полное и верное представление о народном мастерстве. По такому пути намечена и уже осуществляется реконструкция музея в Кижях. Работы ведутся по новому проекту, разработанному институтом Мосгипрогор. После его осуществления музей станет частью национального парка «Кижские шхеры». Этнографическая часть музея будет по-прежнему сосредоточена

на острове, но уже с соблюдением этнических зон и без нарушения зон видимости. Вторая часть музея — обширная материковая зона, куда войдут памятники и селения, сохраняемые на своих исторических местах. Здесь же на достаточном визуальном удалении от острова разместится туристская база.

По такому же принципу может быть организован и музей-заповедник деревянного зодчества в Ленинградской области. Первой частью его будет архитектурно-этнографический музей на одном из берегов реки Невы. Проект его разработан в Специальных Научно-Реставрационных мастерских области (архитектор М. И. Коляда). В будущий музей намечено перевезти жилые, хозяйственные и частично культовые сооружения из удаленных районов области. Здесь же могут быть сосредоточены реставрационная база и научно-исследовательский центр. После ознакомления с музеем путь может быть продолжен по Неве, Ладожскому озеру и реке Свири, в Междозерье — земли, лежащие между Ладожским и Онежским озерами. Здесь, в бассейне Свири, бывшей долгие годы частью великого торгового пути новгородцев к Белому морю, сохранились уникальные памятники деревянного зодчества. Все они хорошо связаны автодорогами с Лодейным Полем, Подпорожьем и Вознесеньем. Это и уже упоминавшаяся церковь в Юковичах — одно из древнейших сооружений на всем нашем Северо-Западе, датированное 1493 годом, и своеобразные храмы в Важинах, Согинцах, Волостном Наволоке, Щелейках, Гимреке, Алеховщине и в других селениях, стоящих на берегах рек и озер Посвирья. При этом, вероятно, не следует замыкаться только в пределах области — земли Посвирья входят также в состав южных районов КАССР. Так, в районе Олонца, хорошо связанного с Лодейным Полем, можно увидеть интересные памятники в Мегреге, Новинке и Пертисельге, а на западном берегу Онежского озера в районе Рыбреки и Шелтозера полюбоваться своеобразным резным убором жилых домов вепсов. Далее путешествие может быть продолжено до столицы Карелии — Петрозаводска, откуда лежит путь к Кижскому музею-заповеднику. Так естественно и исторически верно свяжутся две заповедные зоны — Ленинградской области и КАССР.

Таким представляется музей-заповедник деревянного зодчества Ленинградской области, который может восполнить существенный пробел в деле сохранения народного наследия и вместе с тем дать возможность ознакомления с ним.

Нельзя оставлять в прошлом все то полезное и ценное, что может пригодиться в будущем. Умелое и глубокое освоение народного архитектурного наследия, накопившего за века огромный опыт, может оказать неоценимую помощь сегодняшней архитектурной практике.

Скорейшее включение памятников национальной культуры в современную жизнь общества даст возможность новым поколениям глубже познать и оценить наследие своего народа.

ЛИТЕРАТУРА

И. Грабарь. История русского искусства, т. 1, М., 1910.

М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. 1. Деревянное зодчество. СПб, 1916.

Р. Габее. Карельское деревянное зодчество. М., Изд. Академии архитектуры СССР, 1941.

С. Забелло, В. Иванов, П. Максимов. Русское деревянное зодчество. М., Изд. Академии архитектуры СССР, 1942.

И. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., Изд. Академии наук СССР, 1962.

А. Ополовников. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., Госстройиздат, 1955.

А. Ополовников, Н. Островский. Русь деревянная. Образы русского деревянного зодчества. М., Изд. «Детская литература», 1970.

В. Орфинский. Путь длиною в 6 столетий. Петрозаводск, Госстройиздат, 1968.

В. Орфинский. Деревянное зодчество Карелии. Л., Изд. литературы по строительству и архитектуре, 1972.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Русский Север — сокровищница народной культуры	3
Северорусское селение. Природа и архитектура	8
Комплекс северного селения. Принципы ансамблевости	17
Проблемы охраны памятников деревянного зодчества	27
Литература	31